

An impressionistic landscape painting. The foreground is a lush green field with patches of yellow and brown, suggesting a path or a field of wildflowers. In the middle ground, there are several dark, silhouetted trees and a small red-roofed building. The background is a vast, open landscape under a dramatic, cloudy sky with shades of blue, white, and grey. The overall style is expressive and painterly.

Сергея Белов

15 дней мая

Ох уж этот май...

Сережа Белов

15 дней мая. Ох уж этот май...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21617130

ISBN 9785448303326

Аннотация

Такая холодная и далекая. Но май способен растопить даже ледяные сердца. Май... Наш май. Наши 15 дней счастья. Только ты и я. И наш май...

15 дней мая

Ох уж этот май...

Сереза Белов

© Сереза Белов, 2016

ISBN 978-5-4483-0332-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мы познакомились осенью. Дождливой глубокой осенью.

Тогда уже все в свитерах ходили. В теплых осенних свитерах.

Я помню ее. Я хорошо помню ее розовый, под горло свитер и светлые волосы по самые лопатки, и зеленые-зеленые глаза. И этот презрительный поначалу взгляд. Какие же мы тогда были молодые и глупые.

А потом была зима. Непонятная – сырая и одновременно морозная. И так же, и у нас с ней все было. То дружили. То ссорились. То мирились.

Она была так переменчива. А я все еще до конца не верил, в то, что между нами, что-то будет. Но все равно я ждал. Я на, что-то надеялся. Иногда звонил. А чаще встречал ее после танцев и школы.

А потом вдруг неожиданно пришла весна. Наступил май и мы, как-то так быстро сошлись. Сдружились. А самое главное я вдруг понял, что стал ей небезразличен.

Мы стали с ней не разлей вода. Как нитка с иголкой. Так нас все и называли на поселке. Наверно от того, что мы везде ходили вместе: и на озеро, и в кино, и в библиотеку.

– Интересно, а кто из вас нитка, а кто иголка, – спрашивали нас наши друзья? А мы смеялись им в ответ. Ну, какая разница, кто есть кто. Смешные они – наши друзья. Главное, что мы нашли свое счастье. Свою любовь. Свою судьбу. И этот май, и эта весна. Все это было так прекрасно. И так пронзительно пела от всего этого моя душа.

Это и было настоящее человеческое счастье. Я же видел. Видел, как блестят от меня ее бусинки – глаза. Обычно такие холодные и колючие, а тут мне вдруг удалось растопить ее сердце. Достучаться туда – куда она до этого никого-никого не пускала. А меня почему-то пустила. Потому наверно, что я был чуточку настойчивей, чем все остальные. Все другие считали ее колючей и застенчивой. Слишком умной и холодной. Но разве они знали, что таится за всем этим напускным равнодушием. Разве они об этом знали.

Это была наша с ней весна. И те пятнадцать дней мая стояли всей жизни. Потом такого со мной уже никогда не было.

А после пришло лето. И мы были вместе. Мы были парой. И это уже было серьезно. Это были отношения, забота, ласка. Но все равно, те пятнадцать дней мая, когда все только начиналось, когда между нами была ОНА – Нежность, уже не повторятся больше никогда-никогда. Те. Те самые пятнадцать дней мая.

Я так много о них, думаю и вспоминаю – кошмар. Помню – помню.

– Ты, неисправимый романтик, – говорила она мне и конечно была права. Вот она да. Она не такая. Она была практичная. Более продуманная, что ли. У нее были, какие-то свои цели. Она мечтала выучиться и уехать отсюда навсегда. Из этого городка. Туда, где бурлит жизнь. Где есть театры и концертные залы. Где бы время летело, а не текло мирно и спокойно, как та тихая речушка в поселковой балке.

А мне наоборот нравилась, что здесь, на поселке, все так тихо и спокойно, и располагает к романтике. Мне казалось тогда, что там, в большом городе, куда она так стремиться уехать жить навсегда, там нет чего-то такого, самого важного и основного. Что там между людьми нет тех чувств. Нет той любви, которая может родиться только вот в этих тихих местах. Тут, кажется, даже ветер дует осторожно, спокойно-спокойно.

– Я всегда добиваюсь, чего хочу, – говорила она и мечтала, строила планы о том, кем она станет, когда уедет отсюда. Ей не хватало простора. Ее просто бесил этот размеренный ритм жизни нашего с ней маленького городка. Где ничего такого особенного не происходило. Где все было известно наперед.

Мы были такие разные и все-таки этот май так нас с любил и подружил. Что-то такое было в воздухе. Что-то такое неясное, нежное. Вокруг была одна нежность. Вот. Это именно,

то слово, которым можно все это охарактеризовать. И май, и нежность, и весна. Это была еще не любовь в полном смысле этого слова, да и была ли она тогда между нами? Мы были так еще неопытны в том, что касалась этого чувства, но так нежны друг к другу. И не надо было слов, фраз, предложений. Мы все свои желания читали в глазах друг друга – просто стоило посмотреть в ее лицо и тогда без лишних вопросов все становилось понятно. И май, и ночи, и любовь.

Мы гуляли. Гуляли сутки и дни напролет. Везде-везде, где только можно было уединиться, подольше побыть вдвоем. Мы исходили этот маленький городок вдоль и поперек, и узнали за эти пятнадцать дней все романтические места в нашем поселке. Мы до этого и понятия не имели, что здесь такие есть.

И все это был наш с ней май. Пятнадцать дней мая. Речка, озеро, ивы над водой и она – с книжкой на малиновом покрывале. И мы лежим. Читаем друг другу наперебой. А все смотрят на нас, как на сумасшедших. Они там себе целуются на другом берегу, а мы книжки читаем. А после, делимся тем, что прочитали в стареньком дребезжащем трамвае, в котором мы едим домой – обратно на поселок.

Он едет медленно, а время еще рабочее и людей в середине мало. Только мы, да две старушки с огородов своих едут. И еще седой ветеран, бряцая медалями, что-то рассказывает беспокойному востроносому внуку. И мы на передних сидениях. Рядом она. Смотрит в окно и показывает мне свои го-

лые, чуть загорелые колени. И это тоже наш с ней май.

Эти воспоминания. Это наша с нею нежность. И этот старый. Выдавший виды желто-красный трамвай. Он везет нас мимо одинокой заброшенной автобазы. Вдоль четкой линии строгих, по-солдатски ровных и высоких тополей. А потом через городской парк, где все тоже давно пришло в упадок и поржавело. И днем туда уже не водят старушки своих счастливых внуков, а по вечерам влюбленные парочки не качаются там на качелях. Теперь здесь все иначе. Но он нам и не нужен – этот заброшенный, неухоженный парк.

Мы говорим. Говорим. Мы смотрим и не можем насмотреться друг на друга. И май, и нежность, и любовь.

– А ты читал «Дети капитана Гранта?».

– Ну конечно, – слегка обижаюсь я. – Еще бы я не читал.

– А ты? А ты? – перебиваю я ее, – ты читала? Это моя любимая – «Всадник без головы»? – Ну, конечно. Конечно, – хлопает она досадливо ресницами.

И мы продолжаем спорить, говорить, выяснять, что же из нас, кто читал и на удивление. Нет ну почему на удивление – этого и следовала ожидать, выясняется, что мы с ней читали одни и те же книги. У нас было почти одинаковое детство. Почти.

И снова нежность врывается в этот дребезжащий трамвай, будто какой-то ангел пролетел между нами. И смотря в эти зеленые-зеленые глаза я, понимая, что хочу поцеловать эти слегка алые губы и не решаюсь, а она – какая же она умни-

ца, берет в свою руку мою ладонь и прикладывает ее к своему лицу, к своей щеке, а потом касается ее губами. А после вдруг резко кладет ее мне на губы. Да вот таким был наш с ней первый поцелуй. Она понимает мои мысли – с ума сойти.

Нежность. Да других слов здесь и не найти. Вот, что было между нами тогда – не любовь, не страсть, не влечение, а нежность – мне кажется, она является высшим проявлением любви.

Когда еще нечего не сделалось и не произносилось. Когда все признания и объяснения еще впереди. Когда еще где-то там, в будущем и поцелуи, и ласки. И только взгляды. Только улыбки. Жесты. Робкие прикосновения. Да это был наш с нею май и наша любовь. Первая и на всю оставшуюся жизнь.

И май, и нежность, и любовь. Эти пятнадцать дней мая, что они значили для нее? Не знаю. Что они значили для меня? Все.

Это были наши с ней самые счастливые пятнадцать дней в жизни. Только я это уже потом понял. После. Да. А поначалу ничего и не предвещала, не предсказывало того, что между нами, что-то может быть. Но этот необычный, по-летнему жаркий май расставил все на свои места. Слюбил. Сдружил. Сосватал. И все-таки, то главное, так и не было сказано за все эти пятнадцать красивых и самых счастливых в моей жизни дней. Она такая зажатая и серьезная, вдруг преобра-

зилась, будто ее подменили, словно это была и не она, а кто-то совершенно другой. Ее никто-никто не узнавал. Она будто вся светилась изнутри. Интересно это я или май? Май или я? Что-то задел я в ее душе, что-то затронул.

– Достучался, – говорила она и улыбалась мне, небу, низколетающим ласточкам, предвестникам скорого дождя.

– Со мной такое впервые, чтобы так, – говорила она мне и кружилась. Кружилась в танце, прямо посреди улицы, будто на театральной сцене, словно и не было никого вокруг. А только я, она и май. Наш с ней теплый и прекрасный май. И блестели от счастья ее зеленые-зеленые глаза. И у нас у обоих сносило друг от друга крышу. Да, все было именно так. Как в сказке. И эта девочка в потертых джинсах и в белой с рисунком футболке, и тот мальчишка, что бродил все время вместе с ней.

Мы почти не бывали дома – все майские праздники мы гуляли, ходили на парады, на концерты, на демонстрации. Ездили на природу и вдруг поняли, что нам тесно среди толпы, что нам хорошо вдвоем – гулять, ходить, говорить, смеяться. Что-то случилось с ней. Что? Она вдруг растаяла. Отчего? Под лучами майского солнца в ее душе вдруг разгорелся пожар. Ну, может еще не совсем пожар, но огонек – не слабый, не тлеющий, а именно теплый и такой, который в раз теперь и не погасишь, не задует в один раз. И это чувствовалась во всем – в отношении, в словах, во взглядах, в прикосновениях. И все было так не привычно и так неожиданно, что

я даже на первых порах растерялся, заметив однажды, что все – препятствий больше нет. Нет недомолвок и того беспричинного холода.

«Я твоя» – кричали ее глаза, руки, губы. «Я твоя. Я все для тебя сделаю» – буравила она меня своим бесконечно счастливым взглядом. И мне даже, как-то не по себе было от этого. Поначалу не по себе. Я и поверить не мог, что все так резко может измениться. Что из снежной королевы, вдруг, незаметно и так резко, чуть ли не за один день, она превратится во, что-то совсем другое. Во влюбленную, верную, преданную, мне подругу. Мое второе «Я». И это всего за каких-то пятнадцать дней. Пятнадцать дней мая.

Мы не совершали ничего такого безумного. Не прыгали через костер, не убегали из дома. Для всех, для окружающих, мы вели себя вполне пристойно. Только вот все остальное осталось, где-то там в другой жизни – уроки, танцы, тренировки, библиотеки. Нет, нет. Она все также ходила, занималась, училась, читала. Но все это было уже, как-то иначе. Я тоже занимался какими-то своими делами, но все это было так не значительно и мелко.

Пятнадцать дней ни друзей, ни знакомых – только я и она. А ну, да, еще и наш с нею май. Мы начинали дни с друг друга и также их, и заканчивали. И зачем только люди тратят время на сон? Ведь жизнь и так коротка, а любовь так быстротечна, и надо спешить жить, торопится говорить о том, что думаешь, что чувствуешь, что понимаешь. О том, что видишь

в ее глазах. Этот май свел нас с ней с ума. А может быть там, где-то на небе решили подарить нам с ней эти пятнадцать дней? Просто так. Пусть поживут, увидят, как это – счастье и нежность.

Мы даже не договаривались о встречах – мы просто встречались и все. Будто оба знали заранее, где лучше всего встретится, куда пойти. Обычно мы просто пересекались утром возле ее дома, а дальше...

А дальше шли гулять – туда, куда несли нас наши ноги. За день мы наматывали, наверное, по тысяче километров. Где мы только не были. Иногда мы всего лишь кружили по одному и тому же месту несколько часов подряд. И, тем не менее, мне казалось, что каждый раз они – эти улицы и переулки, дома и заборы выглядят, как-то иначе.

Ее поселок плавно переходил в город. В маленький тихий городок. Все стандартно. И все-таки именно с тех самых пор я и полюбил, такие вот тихие, ни чем, ни приметные города. Умеренный ритм. Все тихо. Все в цвету. Красивые они и будто специально созданы для любви. Для красивой, первой, нежной любви.

Ах, эти пятнадцать дней мая – в них уместилась вся моя жизнь. Потому, что после этого все уже было иначе. Вот так всю жизнь. Все имеет свое начало и свой конец. И этот май. Он так глупо начался и так красиво, и неожиданно потом закончился.

Ну да. Ну да. Я все так же преследовал ее и старался ча-

ще бывать вдвоем. А она ругалась. Сердилась. Немножечко обижалась. Выходила из себя, гоня меня порочь.

– Я занята. У меня много дел. Ты столько на себя берешь. Да я родителей почти не вижу – мне учиться нужно. У меня же скоро экзамены.

А я не сердился. Я все понимал. А только на все советы своих многочисленных друзей и знакомых, о том, что лучше оставить ее в покое, что не стоит лезть, я согласно кивал головой. А после снова лез к ней, стараясь встретиться, увидеть где-то на улице. Где только и можно было поймать ее между танцами, школой и домом.

Она сердилась. Как же она смешно сердилась, но, однако иногда позволяла мне прогуляться с ней до танцев или же проводить вечером домой.

– Помнишь, мы раньше ходили в кино? – предлагал я ей сходить на новый фильм.

– Прости, но мне правда некогда, – отвечала она. И выхватывала у меня из рук тяжелый пакет со сменой одежды, и тут же скрывалась в здании заводского клуба. И даже не сказав ждать мне ее или нет. И я оставался ждать. Час – два. Пока шли занятия, я прогуливался в сквере возле входа, караулил ступеньки, боясь ее пропустить. И когда теплое весеннее солнце начинало клониться к земле, медленно превращаясь в красно-розовую полосу нежного майского заката – мы шли с ней домой.

Так смешно все это было. Она выходила из клуба, а над

головой уже почти в полную силу белел узкий серпик Луны, пришедший на смену теплому майскому солнцу.

Кричащая, взбудораженная стайка стройных, веселых девчонок, шумно катилась по высоким ступенькам старого кирпичного здания и среди них, я тут же в вечерних сумерках узнавал ее. Она вся такая собранная, аккуратная. Волосы в пучок. В руках пакет. На плече сумка. Невысокая. Стройная. И не капли удивления на лице. Как – будто так и надо. И снова тяжелый пакет из ее рук переключивается ко мне, и мы не спеша идем по улице. Мимо фонарей и редких прохожих к ней на поселок. Идти не долго. Всего две остановки. Можно было конечно и на трамвайчике, но там люди, а здесь весна. Она вокруг. Весна манит и сводит с ума, буянит всю. И не хочется, не грустить, не плакать. Жизнь продолжается – кричат мне спелые кусты фиолетовой сирени мимо, которых мы проходим почти каждый день, гуляя вдвоем. Жизнь продолжается.

Хотя гуляем это пока еще сильно сказано. Я всего лишь провожаю ее домой, задаю какие – то вопросы. Пытаюсь вытянуть ее на разговор. А она все также отмалчивается или скупно отвечает.

И так мы ходили – бродили почти весь апрель и начало мая. И я все стучал и стучал, пытаюсь достучаться, добраться до самых ее глубин. Да, у нее была и душа, и сердце, но тогда я не понимал зачем, от кого и от чего она так глубоко их прячет. Отчего окружила себя такой холодной и неприступ-

ной стеной изо льда и стали? Я не понимал и все равно каждый день спешил к ней на встречу – стучал, говорил, молчал, иногда слушал, глядя в ее самые красивые на свете глаза. Ох, уж мне эти ее глаза. Какие же они были тогда прекрасные и бездонные.

А этот май и без того сводил меня с ума. И она, и май, и глаза.

А ведь еще полгода назад все было иначе. Все было совсем по-другому. И эта случайная встреча на улице, и долгие поиски потом прекрасной и милой девчонки. После столько всего было. Столько всего разного. И все-таки эта весна оказалась самой лучшей в моей жизни. Ну, по крайней мере, так мне казалось тогда.

И вот пятнадцать последних дней того яркого сумасшедшего мая. Перед этим, перед пятнадцатым числом мы поссорились – не поссорились. В общем, досталось мне от нее по первое число. Понимаю – головой, что дел у нее много – учеба, экзамены, и все остальное. А мне же хотелось, чтобы она больше со мной. Чтобы первая предлагала, что-то. Чтобы в кино сходить позвала. Да просто погулять, встретиться, вдвоем побыть, а то все я, да я. По сто раз на день встречаю мельком, а она все одно и то же твердит – «я занята, я спешу, у меня много дел». Не выдержал я и наговорил. Наверно много лишнего. Ну, она тоже не выдержала и сказала. Что я себе много позволяю. Что она мне не жена, а я ей не мама. Что учиться ей надо и у нее времени ни на, кого совсем

не хватает. И все в таком роде. Злая она была очень и сердитая. В общем, я, нет, не обиделся, а просто решил больше к ней не лезть – захочет сама предложит. А то она не знает, где я живу? А ведь правда не знает. Я же ее сто раз звал, а она все, как-то так отговаривалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.